

конструкцией стоит понимать, что потомки не будут лишены ни чести, ни жизни, ни состояния.

Таким образом, в текстах Статутов ВКЛ честь предстает как ценность, «зарезервированная» исключительно для шляхетского сословия и осмысляемая – в силу жанра – преимущественно в контекстах утраты. Наиболее актуальным значением ЛСП во всех трех редакциях оставалось ‘высокое звание, статус’; сохранялась актуальность семемы ‘репутация, слава’; возрастала роль семемы ‘оскорбление’. Роль ядерной лексемы выполняло изначально слово *честь*, затем два и даже три однокоренных и во многих случаях взаимозаменяемых *честь / поч(с)тливость / учтивость*; также широко были представлены выражения *добрая слава, доброе мнimanье*. Пограничный статус занимали такие лексемы, как *цнота, цнотливый, учтивый, учтивие* и другие – связь некоторых из них (напр, *цнотливый*) с изучаемым полем подтверждается историей правок Статутов. Семантика оскорбления распределена между единицами разных частей речи: *примовка, ображенье* (только о великом князе), *наганенье, приганенье, ублизенье; наганити, приганити, образити, торгнути, соромотити, шкодити; уципливый, доткливый, образливый; неучтивие* и др. – разнообразие и количество подобного рода выражений существенно возрастает от первой редакции к последней. Увеличивается количество и вместе с тем возрастает детализация условий утраты и сохранения чести, выраженных в Статутах эксплицитно и относимых нами к области культурных коннотаций.

Проанализировав изменения в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., мы можем констатировать, что на протяжении XVI в. актуальность понятия чести возрастала, а соответствующее ему лексико-семантическое поле находилось на этапе интенсивного расширения.

Библиографические ссылки

1. Первый литовский статут (1529 г.) = Pirmasis Lietuvos statutas (1529 m.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. Vilnius : Марги Раштай, 2004. 521 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. Мн. : Тэсей, 2003. 250 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. Мн. : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. 570 с.

Кузнецова М. В. (Минск)

Метатекстуальные связи с античной литературой в лирическом цикле С. Завьялова «Horatii paraphrases»

Цикл С. Завьялова «Horatii paraphrases. Carmina praeusta frigore», подзаголовок «Парафразы Горация. Стихи, опаленные холодом

(«отмороженные» стихи)» входит в книгу «Мелика» 2003 г. [1], в которой установлены широкие интертекстуальные связи с античной литературой. Среди всех моделей интертекстуальности, в которых проявляется рецепция античности, значительное место занимает метатекстуальность [2]. Ярче всего она выражена в форме вариаций на темы претекстов. Претекстами могут быть как хрестоматийные, так и очень редкие древнегреческие либо древнеримские тексты.

На цикл «*Horatii paraphrases*» приходится основная масса метатекстуальных связей с древнеримскими претекстами. Каждое стихотворение в нём представляет собой парафраз на тему хрестоматийной горацевской оды, обычно значительно переосмысленной. Отдельные стихи из од Горация вписываются в авторский текст как эпитафии или собственно цитаты и служат претекстом, вокруг которого формируется вариация.

Начинается цикл парафразами 24 оды из 1 книги Горация [3], которая была написана как послание Вергилию после гибели их общего друга-поэта, Квинтилия Вара. В данной оде Гораций призывает скорбящего «смириться с тем, чего изменить нельзя». В качестве цитаты в парафразе используются стихи «*Quis desiderio sit pudor aut modus / tam cari capitis?.. / Разве стыд мог бы стать мерой / чувству утраты?..*» и слова «*quid*» и «*dugum*» «Что ж?.. тяжко». За цитатой следуют слова, отражающие восприятие Завьяловым этой оды Горация «эти вздохи его хориямбические / рядом с осиротевшим другом / речь коченеет: тропы, слова / образ увял, не развившись / что-то невнятное / полстроки об Орфее, с деревьями и камнями / полстрофы о Меркурии, с розгой в руке / и всё / и только эти поля / глаза не смотрели б». Примечательным является переосмысление Завьяловым некоторых аспектов, касающихся формы и фактической стороны претекста. Так асклепиадов стих, которым написана данная ода Горация, назван Завьяловым «хориямбическими вздохами» (хориямб, как известно, в античности со времени его изобретения знаменитым своей язвительностью Гиппонактом использовался преимущественно в стихотворениях, содержащих насмешку). Также знаменитый кадуцей Меркурия, с помощью которого бог отправлял души в загробный мир, в данном стихотворении назван Завьяловым розгой.

Таким образом, в этих стихах Завьялов принимает определённые меры по снижению исходного пафоса оды Горация. Это же снижение найдём и в большинстве других стихотворений данного цикла. Примечательно, что оно наблюдается ещё на уровне названия цикла, в котором трудно не заметить стилистическое несоответствие в переводе выражения «*carmina praeusta frigore*» между «стихи, опалённые

холодом» и «отмороженные стихи».

Второе стихотворение цикла посвящено А. Скидану и является парафразом 22 оды из 1 книги Горация. Ода была написана как послание к Фуску, где поэт описывал преграды, которые не могли бы помешать ему воспевать его вымышленную возлюбленную Лалагу:

Пусть хоть там, где жжет колесница солнца,
В той земле, где нет и жилья людского, —
Сладкий смех любить я Лалаги буду,
Сладостный лепет (пер. Н. И. Шатерникова).

Однако жизнеутверждающий характер стихотворения Горация у Завьялова снимается. Строки о колеснице солнца «*pone sub curru nimium propinqui / solis...*», взятые в качестве эпиграфа ко всему стихотворению, и «*Pone me pigris ubi nulla campis / arbor aestiva recreatur auge*», выступающие как собственно цитата, получают авторское продолжение в виде «Только бы не говорить этих слов / не слышать / не видеть во сне / *Lalagen amabo. / dulce loquentem*». Далее «парафраз Горация» прерывается словами «*Ne dulce – dulce dulce / Я вспоминаю вдруг / как лет за пятнадцать до ее зачатия / я напевал дурацкую песенку / выхлопывая ритм ладонью / по подушке тахты / o dulce Napoli o sol beato*». Эта цитата, как видим, взята уже не из Античности, а из неаполитанской песни «*Santa Lucia*». Далее поэт пишет «И вот вспоминая об этом / теперь попробуй-ка / выговори начало стихотворения / *Integer vitae scelerisque purus / Нетронутый жизнью, чистый от пороков / Дальше можно не продолжать*». Таким образом, в парафразе Завьялова трансформируется прежде всего настроение стихотворения Горация, открывая трагическое несоответствие между античной гармонией и жизнью.

Третье стихотворение цикла представляет собой парафраз 13 оды из 1 книги Горация. Непосредственно из этой оды Завьялов берёт только один стих «*fervens difficili bile tumet jecur / клокочущая печень вздувается тягостной желчью*». В оде Горация этот стих описывал ощущения, вызванные ревностью лирического героя к Лидии, которая при нём восхваляет Телефа. Завьялов воспринимает эту хрестоматийную оду и в частности трактует этот стих неоднозначно: «Я не скажу тебе почему / но эта строка / вдруг / показалась мне не такой уж смешной / как обычно». Смех изменяется на отношение к данной оде как к «физиологии страсти, анализу отчаянья, топографии боли». После переосмысления цитаты из 13 оды первой книги поэт при помощи аллюзий вводит стихотворение позднего Горация, помещённое в 4 книге: «Господи / а ведь это только начало / как же дожить до книги четвертой / с ее *rara lacrima* – редкой слезой / с ее страшным признаньем / отречения / от обеих Венер?» Имеется в виду 1 ода 4 книги

«К Венере», в которой поэт, которому к моменту написания оды было примерно 50 лет просит Венеру сжалиться и «не начинать войну» со «стариком», отвергает любовь и страсть, отвергает Кинару-Лалагу, к которой обращены многие ранние стихотворения. Но трагичность его положения в том, что всё же он не в состоянии отречься от любви полностью, т. к. иногда по ночам вспоминает возлюбленного Лигурина и не может не пустить «редкую слезу».

Четвёртое стихотворение цикла представляет собой парафраз 30 оды Горация из 3 книги. Здесь также в качестве цитаты используется только один стих из оды Горация, а её настроение трансформируется полностью: «И еще: / В глазах рябит от гипербатов / двусмысленный ход оборота пассивного: / *Dicar qua violens obstrepiť Aufidus* / То ли: обо мне кто-то скажет, что я оттуда / То ли: обо мне будут там говорить / где бешеный Ауфид несется / Ну и чёрта какого забыл / ты в этих / хрестоматийных / беломраморных речитативах». Таким образом, возвышенный пафос оды Горация также снижается, не выдержав столкновения с действительностью.

Сатирически снижен в парафразе Завьялова и возвышенный пафос ещё одного своеобразного «Памятника» Горация, 20 оды 2 книги, посвящённой Меценату. В этой оде Гораций описывал границы распространения своей будущей славы и в очередной раз утверждал своё право на бессмертие. Поэт не погибнет, т. к. его душа, согласно мнению Аристотеля, как и все души поэтов, превратится в лебедя. Завьялов, вводя в качестве цитаты описание данного превращения («*non usitata nec tenui ferar / pinna biformis per liquidum aethera / vates...* / не на обычных, не на слабых крыльях / я подымусь, двуликий, в жидкий воздух / пророк...»), снижает его значение «обернись / клены, – говорю, – покраснели / а ты все про крылья, про перья / какие-то / лебеди, – говоришь, – журавли / гуси, утки». Также за цитатой следуют слова «вот как / ты пытался её заговорить / ничего не выходит, – видишь, – не вышло». Таким образом, в данном стихотворении торжественное описание Горацием бессмертия резко контрастирует со скепсисом Завьялова.

В последнем стихотворении цикла в качестве претекста к парафразу взяты уже 2 оды Горация, 3 и 4 из 2 книги. Стихотворение предваряется цитатой-эпиграфом из 4 оды: «*cujus octavum trepidavit aetas / claudere lustrum* / жизнь которого поторопилась завершить / восьмое пятилетье». Эпиграф взят из позднего послания Горация Ксанфу Фокею, в котором он пытается утешить друга, влюблённого в рабыню, схожими примерами из мифологии, но эта сторона данной оды парафраза не касается, ведь стихи цитаты-эпиграфа являлись в ней

заключительными. Восхваляя рабыню, в которую влюблён его друг, Гораций пишет, чтобы тот не думал его ревновать, т. к. поэт уже закончил с тревогой восьмой люстр жизни, таким образом, он отрекается от возможности любить, мотивируя это возрастом и предыдущим нелёгким жизненным опытом. Как известно, за люстр принималось пятилетие между совершением цензором очистительного обряда люстрации после переписи населения, что значит, что Горацию к моменту написания этой оды было 40 лет. Использование в качестве эпиграфа этой цитаты призвано подчеркнуть близость между состоянием Горация в момент написания 4 оды и состоянием самого автора, ведь на момент написания парафраза Завьялова также было 40 лет. Он описывает это состояние так: «На девятом люстре / всё властней становятся сны / а воздух вокруг и небо само всё фрагментарней». Следующая цитата взята уже из 3 оды Горация Квинту Деллию: «а урна все вертится – *urna versatur / serius ocius sors exitura* / раньше ли позже ли жребий тянуть». В данной оде Гораций говорил о том, что смерть неизбежна и уравнивает всех. Выражение «*urna versatur*» выражало представление Горация о том, что в руках богини судьбы находится урна со жребиями, которые затем ею вытряхиваются. Эти жребии несут смерть. При этом Гораций призывал друга сохранять душевное спокойствие перед смертью. У Завьялова же, напротив, настроение стоической твёрдости Горация заменяется нервностью и тревожностью. Мир Горация, даже позднего, по-античному гармоничен, включая все его составляющие, в том числе и смерть. В парафразе Завьялова смерть – сила, несущая дисгармонию и, соответственно, принятие её воспринимается как нечто противоестественное. Это подчёркивает постэпиграф:

Κατολοφύρομαι, κατολοφύρομαι
Ματέρος αἵμα σᾶς, ὃ σ' ἀναβακχεύει
я плачу, плачу
кровь матери в которой ты умылся.

Эти стихи описывают состояние Ореста и Электры после убийства их матери Клитемнестры. Они взяты из трагедии «Орест» «трагичнейшего из поэтов», Еврипида и вступают в резкое противоборство со стихами Горация. В результате постэпиграфом Завьялов окончательно снимает стоический пафос его оды.

Таким образом, метатекстуальные связи стихотворений С. Завьялова с горациевскими претекстами в данном цикле основываются на сближении либо расподоблении с ними на основе понимания поэтом близкого или различного между особенностями собственного мировоззрения и мировоззрения античного предшественника. В большинстве стихотворений этого цикла

возвышенный пафос од Горация снижается, не выдержав столкновения с действительностью. Примечательно то, что в цикле отсутствует свойственная С. Завьялову апелляция к редким античным текстам. В этом случае сама хрестоматийность выбранных С. Завьяловым од Горация призвана подчеркнуть нетривиальность его трактовки.

Библиографические ссылки

1. Завьялов С. А. Мелика. М. : Новое лит. обозрение, 2003. 166 с.
2. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов : контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2007. 282 с.
3. Sever G. M. Q. Horatius Flaccus. Opera et commentarii [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.horatius.net/>. Дата доступа : 10.02.2019.

Кузняцова Д. У. (Мінск)

Лексіка-семантычныя асаблівасці спецыяльнай лексікі, прадстаўленай у сучасным беларускамоўным медыядыкурсе (на падставе корпусных даных)

На актуальнасць і неабходнасць даследаванняў функцыянавання спецыяльнай лексікі ў беларускамоўным публіцыстычным дыскурсе ўплывае высокая ступень тэрміналагізаванасці сучасных медыятэкстаў. У гэтых умовах важнай прыкладной лінгвістычнай задачай з'яўляецца стварэнне моўных рэсурсаў, якія бы садзейнічалі аптымізацыі такога роду даследаванняў.

Вельмі зручным даследчым інструментам для выяўлення асаблівасцей функцыянавання спецыяльных лексем у беларускамоўным медыядыкурсе з'яўляецца корпус зыходных кантэкстаў для Слоўніка сацыяльна значнай спецыяльнай лексікі беларускай мовы (створаны ў межах навуковага праекта «Сацыяльна значная лексіка тэрміналагічнага і прафесійнага характару ў рускай і беларускай мовах»). Гэты ўнікальны моўны рэсурс адлюстроўвае функцыянаванне спецыяльнай лексікі пераважна ў медыйным і мастацкім дыскурсах, але большая частка корпусных даных уяўляе сабой менавіта медыякантэксты, што тлумачыцца выкарыстаннем падчас стварэння рэсурсу такіх лінгвістычных корпусаў, як Ілюстрацыйнага корпуса СМІ Гродзеншчыны (у складзе Нацыянальнага корпуса рускай мовы) [3] і Беларускага N-корпуса [2], а таксама звяртаннем да інтэрнэт-версій друкаваных СМІ.

Паколькі «ужыванне спецыяльнай лексікі ў газеце нельга разглядаць па-за праблемай яе функцыянавання ў навуцы і ў агульналітаратурнай мове» [5, с. 3], неабходна адразу зрабіць важную заўвагу. Для беларускай лінгвістыкі характэрна тэндэнцыя разглядаць спецыяльную лексіку, у прыватнасці тэрміналогію, менавіта ў якасці